

² Ещё в 1902 г. Булгаков писал: «Философия Соловьёва есть, в моих глазах, пока последнее слово мировой философской мысли, её высший синтез» (Проблемы идеализма [1902]. Изд. 2 / Под ред. М.А. Колерова. М., 2018. С. 61).

³ Колеров М.А. Не мир, но меч... С. 281–296; Гайда Ф.А. «Бескровная младотурецкая революция»: как реализовалась программа «Вех»? // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XIII. М., 2013. С. 112–120.

Игорь Омелянчук

Обобщающий труд о правом движении в России начала XX в.*

Igor Omelyanchuk

(Moscow City University; Bauman Moscow State Technical University, Russia)

A generalizing work on the right-wing movement in Russia at the beginning of the 20th century

DOI: 10.7868/S3034579025060245

С начала 1990-х гг. история правового (консервативного, монархического, «черносотенного») движения в Российской империи довольно часто попадала в поле зрения исследователей, отразивших в своих диссертациях его особенности почти в каждой губернии и регионе. Множество работ посвящено и таким аспектам темы, как социальный состав правых партий, деятельность монархистов в Государственной думе, черносотенный террор и т.п. При этом первая книга, обобщавшая накопленный материал, была выпущена С.А. Степановым ещё в 1992 г. и с тех пор пережила два переиздания с расширенными хронологическими рамками, охватившими уже весь период существования изучаемого явления¹. Последующие труды выявили немало фактов, существенно дополняющих наши представления о правом лагере² и его идеологии³, а также о деятельности партийных структур консерваторов⁴. Поэтому появление новой обобщающей монографии, в которой были бы учтены достижения современной историографии, явно назрело. Подготовил её известный учёный, профес-

сор Санкт-Петербургского государственного университета А.А. Иванов, неоднократно освещавший политику и судьбы русских консерваторов⁵ и их партий⁶.

Поскольку о дефинициях не спорят, а договариваются⁷, Иванов прежде всего поясняет используемые понятия, в которых неподготовленный читатель вполне может запутаться. Термины «консерваторы», «реакционеры», «правые», «черносотенцы», «революционеры справа», «зубры», «белые», «националисты» и даже «фашисты» регулярно употреблялись как синонимы не только в публицистике, но и в научных изданиях (с. 8–39). Автор тщательно отделяет полемические или антиисторичные ярлыки от корректных определений «черносотенцы», «правые» и «националисты» («умеренно-правые»), между которыми проводит чёткую границу.

Монография логично разделена на три части. В первой говорится о возникновении, структуре и численности правых организаций, во второй — об идеологии, в третьей — об основных направлениях их деятельности. При этом Иванов рассматривает не только

* *Иванов А.А. Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 735 с.*

влиятельные монархические союзы, но и довольно редко попадавшие в поле зрения исследователей консервативные салоны (с. 53–55) и «Лигу для спасения русского отечества», имевшую полицейское происхождение и существовавшую лишь в информационном поле, преимущественно французском (с. 65–68). Не забыты и общества хоругвеносцев (с. 69–73), отнюдь не являвшиеся детищем генерала Е.В. Богдановича. Правда, вопреки мнению В. Левицкого (В.О. Цедербаума), которого цитирует автор, после 1905 г. они вовсе не «сливаются с местными отделами Союза русского народа» (с. 73). Просто часть хоругвеносцев одновременно входила и в монархические партии (а некоторые даже занимали в них лидирующие позиции, как, например, в Александрове и Иваново-Вознесенке Владимирской губ.), но функции этих объединений не пересекались⁸. К правому движению автор справедливо причисляет не только Всероссийский национальный союз (ВНС) (с. 120–131), но и Партию правового порядка, которая первоначально выступила с либеральной программой, но после декабрьского вооружённого восстания 1905 г. поддерживала неограниченную власть императора⁹.

Опираясь на новые документы, автор ярко рассказывает о создании и первых шагах правых организаций¹⁰, уделяя значительное внимание их лидерам и личным конфликтам между ними, сыгравшим далеко не последнюю роль в расколе Союза русского народа (СРН) на три части — «обновленческий» во главе с Н.Е. Марковым 2-м, «всероссийский дубровинский» и Русский народный союз имени Михаила Архангела (РНСМА) под предводительством В.М. Пуришкевича¹¹.

Иванов убедительно опровергает до сих пор имеющее хождение в историографии представление

о люмпенско-уголовно-босаяцком характере монархического движения. Ссылаясь на многочисленные источники и работы современных исследователей, он доказывает, что правые партии являлись подлинно всесословными, причём больше всего в их рядах насчитывалось представителей крестьянства, мещанства и пролетариата (с. 138–142). Общая же их численность, по мнению автора, составляла около 400 тыс. человек на пике популярности (в 1907 г.) и около 45 тыс. в 1916 г. — в период упадка (с. 152–154), с чем в целом соглашаются и другие исследователи¹². Как и Левицкий, Иванов пишет про «повсеместность распространения черносотенных организаций», но отмечает, что «более половины» их сторонников проживали «в 15 губерниях Западного и Юго-Западного края», которые «входили в черту еврейской оседлости, где национальный вопрос стоял наиболее остро» (с. 154–155). Причём в Западном крае конфликты православных крестьян с проживавшими в перенаселённых «местечках» евреями-торговцами накладывались на не менее острые противоречия между ними и польскими помещиками-католиками¹³.

Размышляя о причинах неудачи объединения правых в рамках созданного по инициативе Грингмута Всенародного русского союза (ВРС), Иванов указывает на нежелание региональных союзов консолидироваться вокруг московской организации (с. 89). Однако их вошло в состав ВРС более десятка, тогда как противодействие исходило скорее от петербургских руководителей движения.

К 1912 г. вследствие споров «дубровинцев» и «обновленцев», СРН, по словам А.Д. Степанова, превратился в «конгломерат организаций, лидеры которых подозревали друг друга в тайных кознях и постоянно враждо-

вали» (с. 106). Во всяком случае, более 25 его бывших отделов объявили о своей самостоятельности. Правда, этот «конгломерат» самостоятельных отделов СРН, как правило, признавал главенство А.И. Дубровина¹⁴ и враждовал с достаточно дружественными между собой союзами Маркова 2-го и Пуришкевича. «Суверенизация» же во многом объяснялась тем, что после раскола СРН большинство низовых структур остались на стороне Дубровина, но юридически по-прежнему считались частью «марковского» СРН, от которого и добивались самостоятельности (что стоило им немалых трудов). Став же независимыми, они фактически вливались на началах «соборности» во Всероссийский дубровинский Союз русского народа¹⁵.

Самая большая часть монографии посвящена идеологии русского монархического движения. Автор тщательно анализирует знаменитую уваровскую триаду («православие, самодержавие, народность») и её интерпретацию правыми. Иванов обращает внимание на их стремление к усилению роли православной Церкви в общественно-политической жизни страны (с. 162). При этом националисты рассматривали православие лишь как национальную (но не единственно спасительную) религию, а правопорядцы одобрили введение свободы вероисповеданий, столь ненавистной остальным правым (с. 166–167). Любопытно, что некоторые предложения черносотенцев (созыв Поместного собора, восстановление патриаршества, разбюрократизация церковного управления) после 1917 г. осуществили их политические оппоненты. Защищая «самодержавие» (независимость верховной власти от различных политических сил с их частными, групповыми и сиюминутными интересами, возможность «сверхзаконного» восстановления справедливости

там, «где закон бессилён», и т.п.), монархисты в то же время признавали, что существовавшая в империи система управления сковывала царя бюрократическими путами (с. 168–174). Упоминания о «народности» в программных документах черносотенцев свидетельствовали об их национализме, хотя он и не был этническим, и «практически никто из правых не ставил под сомнение, что к русским относятся и обрусевшие инородцы, лояльные православию, имперской политике и верные царскому самодержавию». Даже русские националисты, для которых, в отличие от их союзников справа, лозунг «народности» имел приоритетное значение, включали в состав русского народа политически «слившихся» с ним инородцев, в том числе и сохранявших культурную обособленность (с. 200). Напротив, оппоненты из либерального и социалистического лагерей, обвинявшие монархистов в «зоологическом» (по выражению Пуришкевича) национализме, сами скатывались к нему, с удовольствием перечисляя немецкие, татарские, молдавские и даже будто бы еврейские (Грингмут) фамилии правых (с. 194, 198).

Лозунг «Россия для русских!» изначально выражал лишь уверенность монархистов в том, что, по словам А.С. Вязигина, «ключи от русского дома должны быть в русских руках» (с. 184). Однако после 17 октября 1905 г., убедившись в невозможности сохранения прежней национальной политики, правые стали всё чаще придавать ему агрессивную тональность, требуя уже подчинить русским «все покорённые племена» (с. 185), что, по мнению Иванова, являлось «следствием осознания правыми собственной слабости» (с. 190–191).

«Русскими» черносотенцы считали великороссов, белорусов, малороссов и русинов (с. 193). М.Ф. Таубе

добавлял к ним ещё и «литвинов» — потомков жителей Великого княжества Литовского¹⁶. «Инородцами» же они называли всех царских подданных нерусского происхождения, разделяя их на лояльных и враждебных (к ним относили поляков, евреев и финляндцев, которых не без оснований подозревали в стремлении к расчленению империи). Первых, по мнению правых, следовало полностью уравнивать в правах с русскими, а вторых, наоборот, ограничить, минимизировав их влияние на политические дела. В то же время насильственную русификацию монархисты, как правило, осуждали. «Мне ненавистна политика обрусения, — заявлял С.Ф. Шарапов, — и не только потому, что она основана на насилии и чисто полицейском единообразии, но и потому что она *непрактична до глупости* и приносит результаты *как раз противоположные ожиданиям*. Инородцы, не знающие по-русски, для нас совершенно безвредны. Инородцы, изучившие русский язык *добровольно*, как ключ в русское образованное общество, в русскую торговлю, наконец, в русскую культуру и науку, — наши преданнейшие друзья. И те же инородцы, проведённые через нашу школу *насильственно*, являются нашими врагами и опаснейшими ненавистниками России» (с. 207).

Рассмотрено в работе и преломление еврейского вопроса в идеологии монархистов. Иванов подчёркивает, что антисемитизм правых не был исключительно русским, тем более великорусским явлением. Он столь же характерен и для европейских консервативных партий тех лет. Более того, если среди крайне правых черносотенцев лишь единицы (В.Ф. Залесский, А.С. Шмаков) объясняли свою неприязнь к евреям не особенностями их религии или воспитания, а национальностью как таковой, то сравни-

тельно умеренные и либеральные националисты, «вооружившись модными западными теориями, нередко проповедовали антисемитизм расовый» (с. 230—234).

Украинский сепаратизм, «мазепинство», правые объясняли исключительно влиянием из-за рубежа на представителей малороссийской интеллигенции. Обращаясь к украинским националистам, идеолог ВНС М.О. Меньшиков писал: «Допустим, что вы доведёте до кровавого бунта, и *превращённая в развалины* Малороссия добьётся призрачной “самостийности”. Но ведь Господь же не уберёт врагов ваших, многочисленных соседей, с которыми придётся воевать, истощая силы. И тот исполинский щит, который охраняет вас от всех давлений, — Российская империя — превратится в Ваш могильный камень. Ибо отказаться от завоёванных нами Бессарабии, Новороссии, Крыма, Донской области, Предкавказья и Чёрного моря, вы сами понимаете, России *нельзя*. Стало быть, вечный мир с Россией вы хотите променять на вечную войну? Не себе ли, предатели, вы роете этим яму?» (с. 224—225).

Отношения правых с правительством, как показывает Иванов, были «далеки от идиллических» (с. 240). У многих из них резкое неприятие вызывал не только «либерал» гр. С.Ю. Витте, но и П.А. Столыпин. Черносотенцы ценили его роль в подавлении революции и национальную политику, проводившуюся им на окраинах, но при этом критиковали попытки разрушить традиционную крестьянскую общину, заменив её крепкими единоличниками и сельским пролетариатом, возмущались сохранением конституционных порядков, роптали на «диктаторское властолюбие» и даже «узурпацию власти императора» председателем Совета министров. Иванов в целом согласен

с выводами современной историографии о том, что именно Столыпин, стремясь нейтрализовать «революционеров справа», сыграл главную роль в расколе и ослаблении СРН, выделив из него проправительственную умеренную часть («обновленцев») и подвергнув жёсткому прессингу непримиримых «дубровинцев»¹⁷. Впрочем, сменивший его осенью 1911 г. чисто «технический», вполне верноподданный и дистанцировавшийся от политических партий В.Н. Коковцов вообще перестал финансировать правых, чего они, в особенности «обновленцы», до того получавшие из казны значительные субсидии, простить ему не смогли (с. 255).

По мнению Иванова, монархисты и в годы Первой мировой войны сохранили двойственное отношение к власти. Но в отличие от левых, добивавшихся от царя согласия на «министерство общественного доверия» или даже на образование правительства, ответственного перед Думой, «правые преследовали иную цель — путём дискредитации вынудить уйти в отставку неугодных консервативному лагерю министров», наладить деловое сотрудничество с руководителями ведомств и помочь им «найти средства для выхода из кризиса». Выражая позицию фракции, Марков 2-й заявлял: «Преступно в тревожное военное время вселять недоверие к власти и этим вносить в население растерянность» (с. 264–265).

Отношение черносотенцев к представительным учреждениям также оставалось противоречивым. Критикуя парламентаризм как принцип, они не могли выступать против воли монарха, создавшего Государственную думу. И если «обновленцы», умеренно-правые, националисты и правопорядцы смирились с её существованием, то «дубровинцы» призывали к изменению Основных законов

1906 г. В стенах Таврического дворца собственно правая фракция «сохраняла своё автономное положение в монархическом движении» и не контролировалась ни одной из партий, тогда как националисты поддерживали тесную связь с ВНС (с. 306).

Монархистов часто обвиняли в непонимании законов экономики, указывая на их приверженность автаркии, критику ими золотого монометаллизма, введённого Витте. Однако Иванов выявляет вполне рациональные основания той позиции, которую они достаточно последовательно занимали, выражая недовольство тем, что привязка рубля к золоту порождала нехватку платёжных средств, а это ограничивало источники внутренних инвестиций, увеличивало стоимость кредита и вынуждало прибегать к обременительным иностранным займам (с. 309–312). Осуждая деятельность банков и синдикатов, разрушавших традиционное хозяйство, правые предполагали, что «не последнюю роль» здесь «играло и стремление крупного капитала прибрать политическую власть в стране к своим рукам» (с. 316). Виновниками экономических проблем объявлялись «в зависимости от региона... евреи, немцы, армяне и т.д.». Но в целом, по мнению автора, монархисты «проявляли весьма взвешенный, трезвый подход к реальным возможностям в решении социально-экономических вопросов» (с. 351). А некоторые их высказывания на эту тему оказались пророческими. Так, Грингмут ещё в начале XX в. утверждал, что «нефтяные богатства России призваны играть великую мировую роль» (с. 310). Не менее перспективна была и идея создания элеваторов. Ожидалось, что их наличие освободит крестьянина от необходимости спешить с продажей урожая сразу после уборки и позволит ему дожидаться выгодных цен. По мнению Иванова,

идею строительства элеваторов продвигал только РНСМА, и она вскоре заглохла (с. 629–630). Между тем о ней упоминалось ещё в «Избирательной программе», принятой I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН в сентябре 1906 г. В 1908 г. о необходимости постройки казённых зернохранилищ говорил на Волжско-Камском областном патриотическом съезде и кн. А.Г. Щербатов. Отделы ВНС включили его в число своих пожеланий IV Думе¹⁸. Правительству пришлось прислушаться к голосу общественности (не только правой), и к лету 1913 г. в стране насчитывалось уже 498 элеваторов¹⁹.

Успеху черносотенного движения способствовало участие в нём православных иерархов и клириков. Как пишет Иванов, «многие архиереи и священники признавали, что из всех политических партий только правые были готовы оказать Церкви безоговорочную поддержку». Представителям духовенства «были видны “язвы” правого лагеря», но отсутствие «других массовых политических сил, готовых защищать церковные интересы, заставляло многих из них мириться с имеющимися недостатками». Конечно, пастырей настораживало западничество националистов, а также их готовность «пожертвовать православием ради слияния русского баптиста с русским православным», но всё это воспринималось скорее как болезнь роста (с. 357, 376–381).

Степень религиозности лидеров правых партий по-прежнему вызывает дискуссии. Ранее М.Л. Размолиндин безапелляционно утверждал, «что православие для крайне правых являлось не инструментом политических манипуляций, а предметом горячей, а порой фанатичной веры»²⁰. Однако, по словам Иванова, «некоторые лидеры правых, публично поддерживавшие Церковь, делали это из

прагматических соображений, будучи сами равнодушными к вопросам веры и церковной жизни». Такими «прагматиками» председатель правой фракции Думы А.С. Вязигин считал, например, Г.Г. Замысловского и А.И. Дубровина. А присоединившийся в III Думе к Русской национальной фракции епископ Холмский и Люблинский Евлогий (Георгиевский) утверждал, что такие политики, как Пуришкевич, «готовы были поддерживать Церковь не бескорыстно». Иванов также полагает, что для лидера РНСМА «православная Церковь в первую очередь имела значение как опора самодержавной монархии, как институт, полезный для воспитания народа, как величественная составляющая русской традиции и лишь потом — как необходимое для его души установление». Но это несколько не мешало Пуришкевичу именовать себя «верным сыном Православной церкви» (с. 366–367).

Иванов аргументированно доказывает, что «альянс черносотенцев и старообрядцев, которого изначально желали некоторые вожди русских правых, так и не состоялся». Тут сказывалось и влияние, которым пользовались в монархических организациях священнослужители, «продолжавшие смотреть на сторонников старого обряда как на раскольников», и то, что «власть православного самодержавного царя не являлась для старообрядцев сакральной, а господствующая Церковь — истинной». Их бытовой и религиозный традиционализм отнюдь не был тождественен консерватизму политическому (с. 397, 398).

Представители правых партий выступали за сохранение сословного деления общества, однако было бы ошибкой видеть в этом лишь желание сбросить свои привилегии, поскольку монархисты исходили из того, что «все сословия между собой равны

и доступ в каждое из них открыт для всех русских подданных». Они воспринимались как «отдельные части, связанные между собой общностью своих интересов, занятий, промыслов и прочих условий жизни», без которых общество станет «смешанной и перепуганной толпой» (с. 319). Поэтому Л.А. Тихомиров рассуждал про «свободно-сословный строй», по его мнению, уже господствующий во всех «культурных странах»²¹. Собственно, призывая сделать выборы в Государственную думу сословными, черносотенцы заботились именно о социальном представительстве, а не об электоральной сегрегации. При этом самое резкое неприятие у правых вызывала «беспочвенная» интеллигенция. Националист П.И. Ковалевский заявлял, что «большинство русской интеллигенции не только анационально, но и прямо антинационально» (с. 612). Монархисты пытались противопоставить ей интеллигенцию «белого оттенка и светлого образа» (с. 613), но её ещё только предстояло создать.

Иванов убедительно показал, что «правые не являлись противниками расширения женского участия в профессиональном труде, хотя и с существенными оговорками». Во всяком случае, они охотно принимали женщин в свои ряды, порой под их председательством оказывались не только уездные, но и губернские отделы, а Е.А. Полубояринова даже вошла в Главный совет СРН. Даже Пуришкевич, прославившийся игривым ответом на вопрос в анкете, разосланной перед Первым всероссийским женским съездом («Женский труд — когда их трут»), воскликнул с думской трибуны: «Мы должны как зеницу ока беречь русскую женщину, ибо женщина, а не мужчина является оплотом государства, залогом его будущего, залогом его славы» (с. 406—407). Кстати, не только черносотенцы, но и некоторые

кадеты, например, А.И. Шингарёв, находили, что женщины в России находятся в гораздо лучшем положении, чем в Европе (с. 409).

Следя за международными отношениями, крайне правые далеко не всегда одобряли политику МИД, националисты же, как правило, её поддерживали. Пресловутое «германофильство» монархистов было в значительной мере выдуманно оппозицией для достижения своих внутривнутриполитических целей. В сущности, правые всего лишь стремились избежать военного конфликта, опасаясь повторения 1905 г. Страны Антанты до лета 1914 г. вызывали у монархистов скорее настороженность, чем доверие. Но если в отношении Франции после начала Первой мировой войны эта настороженность сменилась поддержкой, то с Великобританией дело обстояло иначе. Черносотенцы не без оснований полагали, что она лишь желала использовать Россию для ослабления Германии — своего главного соперника в Европе. Они не сомневались, что «Англия опасная в качестве врага, совершенно бесполезна и даже вредна в качестве друга» (с. 425), она способна выйти из мировой схватки единственным победителем, истощив силы своих противников и союзников (с. 439). Националисты же относились к Туманному Альбиону с гораздо большей симпатией. Одновременно, в отличие от крайне правых, они настаивали на поддержке Россией славянского движения на Балканах и в землях «Подъяремной Руси», принадлежавших Австро-Венгрии (с. 448—454).

Младотурецкая революция поначалу вызвала у националистов сочувствие, но оно вскоре сменилось враждебностью. Черносотенцы же сразу увидели в ней репетицию переворота в России (с. 460). Отречение пророссийского шаха и приход к власти в Персии проанглийских

либералов правые называли «Тегеранской катастрофой», полностью поддерживая интервенцию 1911 г. Поэтому уступки, сделанные русскими дипломатами Лондону в персидских делах, они встретили бурным негодованием (с. 466). Синьхайская же революция 1911–1912 гг. в Китае монархистов особо не тревожила. После поражения в войне с Японией, считавшейся на рубеже XIX–XX вв. «варварским» государством (с. 468–469), правые радовались любым затруднениям, возникавшим у конкурентов России на Дальнем Востоке. Кстати, к таковым монархисты теперь относили и США, хотя прежде это государство рассматривалось ими как союзник, пусть и «строго платонический» (с. 472).

Немало внимания правые уделяли обороноспособности империи и особенно — укреплению престижа армии и её офицерского корпуса, заметно пошатнувшегося после русско-японской войны. Националисты требовали ещё и русификации командного состава армии и флота (с. 484). Любопытно, что, несмотря на желание как можно быстрее восстановить морскую мощь России, часть монархистов возражала против строительства dreadnoughtов, ставших в то время обязательным атрибутом флотов великих держав. Г.А. Щечков предсказывал, что дорогостоящий линейный флот может мгновенно устареть при быстром развитии подводных лодок и авиации. Марков 2-й полагал, что разъединённость морей не позволит России иметь необходимое количество броненосцев на каждом из них (с. 486).

Кроме того, в монографии Иванова рассмотрено отношение правых к решению рабочего вопроса, столыпинской аграрной реформе, переселенческой политике, борьбе с пьянством. Здесь автор придерживается оценок, устоявшихся в последние десятилетия в отечественной

историографии, подкрепляя их новым материалом.

Основные направления деятельности монархических союзов и организаций, включая правый террор, описаны в третьей части книги. Сохраняя свойственную ему академическую беспристрастность и объективность, исследователь отмечает, что с подачи оппозиционных журналистов начала XX в. в публицистике и историографии прочно утвердился миф об участии черносотенных партий в еврейских погромах октября 1905 г. Однако «некоторые свидетели эпохи и авторы исторических сочинений сознательно или неумышленно смешивают неорганизованные народные массы, давшие отпор революции, с членами конкретных политических партий и союзов... В итоге действия первых автоматически приписываются вторым, что совершенно некорректно» (с. 504). Правые действительно резко высказывались о евреях, но на погромщиков, принадлежавших преимущественно к социальным низам, «влияти не столько антиреволюционные и антисемитские статьи и брошюры, сколько реально накопившиеся проблемы во взаимоотношениях между христианским и иудейским населением в черте оседлости (больше в экономической сфере, меньше — в конфессиональной и национальной), а также действия революционеров, оскорблявших на глазах толпы её национальные и религиозные чувства... и нередко провоцировавших монархически настроенное население на ответное насилие» (например, стрельбу по патриотическим манифестациям и т.п.) (с. 509). Лидеры правых неоднократно осуждали погромы.

Боевые дружины СРН создавались не для погромов, а для поддержания порядка, и находились под контролем властей, правда, зачастую недостаточным. Иногда их противоправные дей-

ствия сопровождалась эксцессами, но они отнюдь не являлись следствием целенаправленных усилий того или иного отдела. Причём «с подавлением революции... правые партии отказались от насильственной тактики борьбы», и к 1908 г. «большинство черносотенных дружин были распущены» (с. 546).

Разумеется, автор не отрицает, что правые совершили несколько политических убийств, хотя до сих пор не установлено, кто именно являлся их инициатором. Не следует забывать и о том, что на самих черносотенцев покушений было совершено минимум на два порядка больше. И если их исполнители этим *гордились*, то монархисты всё же от террора всегда *отмежёвывались*, объясняя данные инциденты низкими моральными качествами конкретных людей (с. 547–548). Рассказывая про «Каморру народной расправы», изрядно напугавшую не только обывателей, Иванов обоснованно заключает, что это «название первоначально использовалось Петербургской боевой дружиной СРН, так или иначе причастной к совершённым правыми терактам, а затем (вероятно, после её роспуска. — *И.О.*) оно стало жить самостоятельной жизнью» (с. 530).

Начало Первой мировой войны застало правый лагерь «в состоянии кризиса и упадка» (с. 634). Монархисты сразу же поддерживали лозунг «священного единения», объявив о прекращении всякой борьбы с оппонентами до победы над внешним врагом. Но с либералами их сблизил лишь лозунг «войны до победного конца» и стремление к экспансии, тогда как «во внутривосточных отношениях между ними по-прежнему лежала пропасть» (с. 635).

Основные усилия правые сосредоточили на помощи фронту, но их возможности оказались гораздо скромнее, чем у либеральных Город-

ского и Земского союзов²² и военно-промышленных комитетов, получавших громадные правительственные субсидии (с. 638). Яркие исключения, например, санитарный отряд, созданный Пуришкевичем и заслуживший высокую оценку в армии, принципиально ситуацию не меняли. Не скрывая своего недовольства, монархисты требовали введения жёсткого контроля над расходованием казённых средств общественными организациями, но даже националисты не разделяли тревогу правых, обвиняя их в алармизме (с. 640).

Своего рода «точкой невозврата» на пути к революции стало создание Прогрессивного блока, к которому присоединилась и часть национальной фракции. Правые осудили раскол Думы «в момент государственной опасности» (с. 645). Лидеры блока предъявили правительству «по сути ультиматум: либо принятие его требований и притязаний, либо ожесточённая борьба» (с. 646). За отказом от «священного единения» вполне логично последовал «штурм власти», завершившийся Февральской революцией. Неудивительно, что все попытки монархистов «войти с Прогрессивным блоком в конструктивные отношения были обречены на фиаско — примиренческая политика воспринималась исключительно как слабость» (с. 646).

Анализируя причины краха монархического движения, автор констатирует, что «последние защитники царского самодержавия прекрасно видели надвигающуюся революционную бурю», однако ожидали её снизу, а не сверху, как выразился Марков 2-й, «от недостаточных и обездоленных, а не от пресыщенных и с жиру взбесившихся» (с. 651, 664). При этом правые (Марков 2-й, В.Н. Снежков и др.) предупреждали либералов о том, что те, кто совершит или инспирирует революцию, вскоре будут сметены

более радикальными силами (с. 653). Сами же черносотенцы, «утратив к 1917 г. поддержку широких народных масс», будучи «дискредитированными вслед за властью, которую они защищали», и «раздираемые расколами» (с. 651), смогли противопоставить революционному натиску только призывы к решительным мерам в нескольких записках-меморандумах, не вызвавших никакой реакции со стороны правительства.

В феврале 1917 г. монархисты не выступили на защиту самодержавия, что в общем-то соответствовало их стилю политической деятельности — не проявлять самостоятельной политической активности, предпочитая высказывать свои соображения императору и его министрам. Между тем отречение Николая II и отказ вел. кн. Михаила Александровича занять престол лишили «политическую борьбу правых всякого смысла» (с. 706, 707). К тому же Февральская революция начиналась под национально-патриотическими лозунгами, соответственно контрреволюция в условиях войны выступала бы с «антипатриотичных» позиций, что для черносотенцев и националистов, естественно, было неприемлемо. Более того, Пуришкевич и В.В. Шульгин ещё в 1916 г. из «патриотических» же соображений перешли в ряды оппозиции. По мнению Маркова 2-го, они «оказались куда вреднее самого Милюкова», поскольку «только им да “патриоту” Гучкову, а не Керенскому и К°, поверили все эти генералы, сделавшие успех революции» (с. 706). Антанта, по мнению Маркова 2-го, также приветствовала ослабление России, не желая делиться с нею плодами близкой победы (с. 708). Однако автору следовало бы отметить, что ещё сильнее в Англии и Франции опасались заключения Россией сепаратного мира с Германией, в стрем-

лении к которому русская оппозиция обвиняла царя и «камарилью», заставив поверить в эту клевету не только часть населения, но и союзников²³.

Оставшись без монарха, правые массово переходили на сторону Временного правительства, сопротивляться которому было «бесперспективно, невыгодно и небезопасно» (с. 669). Практически все их лидеры (Дубровин, Марков 2-й, Полубояринова, Замысловский и др.) оказались арестованы, причём за ними охотились и в столицах, и в провинции. Позднее, когда шок от революции прошёл, лишь немногие монархисты продемонстрировали готовность продолжать борьбу. Интересно, что в их числе, как пишет Иванов, наряду с Марковым 2-м оказались и побывавшие в оппозиции Шульгин с Пуришкевичем.

Победу большевиков правые восприняли как закономерный итог либерально-демократической революции (с. 678), но если одни видели в них «бич Божий», то другие — будущих собирателей Великой России, а третьи — только давних политических врагов. Впрочем, разгон «Учредиловки», похоже, одобрили все, а Марков 2-й даже заявил, что «в большинстве своём народ сочувствовал матросу Железнякову» (с. 685). В Советской России отдельные деятели правого движения (например, академик А.И. Соболевский и писатель В.Г. Янчевецкий) чувствовали себя неплохо, однако большинство его лидеров не избежали репрессий и погибли (А.И. Дубровин, протоиерей Иоанн Восторгов, Б.В. Никольский, Е.А. Полубояринова, П.Ф. Булацель, А.С. Вязигин и др.).

Гражданская война не привела к ренессансу черносотенства. В массе своей те, кто сочувствовал правым, «не испытывая никаких симпатий к большевикам, тем не менее уклонились от вооружённой борьбы»,

и «лишь единицы приняли участие в Белом движении» (с. 694). Характерно, что во главе его встали фигуры, весьма далёкие от монархических идей. И не случайно в эмиграции Марков 2-й критиковал белых за то, что вместо подавления революции они её развивали (с. 699). За рубежом русские монархисты либо вовсе отошли от политики, либо погрузились в жалкие династические споры, внутренние склоки и дразги (с. 710).

Написанная хорошим литературным языком, снабжённая множеством иллюстраций, опирающаяся на солидную источниковую базу и аккумулирующая достижения предшествующей историографии, книга А.А. Иванова, несомненно, представляет интерес для самого широкого круга читателей, не исключая и профессиональных историков.

Примечания

¹ Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; Степанов С.А. Чёрная сотня. Изд. 2. М., 2005; Степанов С.А. Чёрная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013.

² Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001; Омельяничук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2007.

³ Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

⁴ Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900–1917. М., 2003.

⁵ Иванов А.А. Последние защитники монархии: фракция правых IV Государственной думы (1914 – февраль 1917). СПб., 2006; Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху. СПб., 2013; Иванов А.А. Вызов национализма. Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016; Иванов А.А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб., 2020; Иванов А.А. Вождь чёрной реакции Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023; и др.

⁶ Иванов А.А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в. В 3 т. Т. 1. М., 2022.

⁷ Хотя без полемики всё же не обошлось: Омельяничук И.В. К вопросу о месте Всероссийского национального союза в партийной систе-

ме России начала XX в. // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 95–104; Иванов А.А. Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И.В. Омельяничука) // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 171–175.

⁸ Омельяничук И.В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии). М., 2022. С. 99, 130.

⁹ Антошин А.В. Партия правового порядка // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 350.

¹⁰ При этом, однако, встречаются некоторые неточности. Так, автор называет возникшую вполне самостоятельно 23 декабря 1905 г. Иваново-Вознесенскую самодержавно-монархическую партию (ИВСМП) региональным отделом Русской монархической партии В.А. Грингмута (с. 80). Но уже в 1906 г. ИВСМП вошла на правах отдела в состав СРН (Омельяничук И.В. Провинциальная контрреволюция: Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия в 1905–1917 гг. // Российская история. 2017. № 2. С. 113, 116). Графы А.И. и Э.И. Коновницыны названы «вождями черносотенного движения в Одессе» (с. 144), хотя ранее говорится, что гр. Э.И. Коновницын в 1906–1909 гг. возглавлял Столичный совет СРН в Петербурге, будучи членом Русского собрания с первых лет его существования (с. 104), т.е. не имел прямого отношения к одесским монархистам.

¹¹ Хотя, конечно, у него были и политические, и идеологические причины. Подробнее см.: Омельяничук И.В. «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 123, 129, 130.

¹² См., в частности: Омельяничук И.В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3, 15.

¹³ Бовуа Д. Битва за землю в Україні 1863–1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах. Київ, 1998; Омельяничук И.В. Социальный состав черносотенных партий // Отечественная история. 2004. № 2. С. 84–96.

¹⁴ Исключение составлял Киевский отдел СРН. Его председатель Ф.Я. Постный провозгласил свою организацию самостоятельной в сентябре 1907 г., задолго до раскола Союза на «дубровинцев» и «обновленцев», и старался держаться от них равноудалённо (Омельяничук И.В. Черносотенное движение... С. 69).

¹⁵ Омельяничук И.В. «Дом, разделившийся в себе»... С. 123–138.

¹⁶ Таубе М.Ф. Основные положения славянофильства как научно-богословского учения // Мирный труд. 1906. № 8. С. 109.

¹⁷ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России... М., 2001. С. 390; Омельяничук И.В. «Дом, разделившийся в себе»... С. 125.

¹⁸ Подробнее см.: Омельяничук И.В. Черносотенное движение... С. 389.

¹⁹ Давыдов А.Ю. Свободная кооперация в России (до октября 1917) // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 32; Омельяничук И.В. Черносотенное движение... С. 389.

²⁰ Размоловин М.Л. О консервативной сущности чёрной сотни. Изд. 2. Ярославль, 2012. С. 48.

²¹ Омельяничук И.В. Социальный аспект идеологии российских консерваторов начала XX столетия // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 429–430.

²² Иванов допускает небольшую неточность, говоря, что Земский и Городской союзы объединились в Земгор (с. 639). Хотя оба эти союза иногда так называли в просторечии, юридически они никогда не сливались, создав лишь общий комитет по снабжению армии — собственно Земгор, распределявший военные заказы для мелкой и кустарной промышленности (крупной занимались военно-промышленные комитеты). Сами же Земский и Городской союзы сохранили свои функции, связанные с организацией помощи раненым и беженцам.

²³ Подробнее см.: Омельяничук И.В. Взгляды монархистов на русско-германские отношения в начале XX в. // Вестник МГПУ. Исторические науки. 2024. № 2(54). С. 60–79.

Даниил Коцюбинский

Черносотенный циферблат, два раза в сутки показывавший точное время*

Daniil Kotsyubinsky

(International Center for Social and Economic Research «Leontief Center»,
Saint Petersburg, Russia)

The Black Hundred dial, which showed the exact time twice a day

DOI: 10.7868/S3034579025060258

Поскольку революционные события начала XX в. в значительной мере определили последующее развитие России, поиск причин крушения монархии по сей день увлекает отечественных исследователей. В этой связи судьба тех, кто пытался её спасти, также вызывает повышенный научный и общественный интерес. Капитальный труд А.А. Иванова подводит «итог современного историографического этапа изучения русских правых партий начала XX в.» и впервые целостно и максимально полно очерчивает пройденный ими путь, «начиная с предыстории их возникновения и заканчивая уходом с политической сцены» (с. 6, 48). При этом, как справедливо заметил Д.И. Стогов, Иванов «подробно излагает некоторые сюжеты, малоизвестные не только

широкому читателю, но даже специалистам по отечественной истории начала XX в.»¹. Книга, богато иллюстрированная фотографиями (многие из которых публикуются впервые), состоит из трёх частей, обрамлённых компактными введением и заключением. Почти половина её (девять глав, занимающих около 350 страниц) посвящена реконструкции и детальному анализу идеологии и основных программных положений правых организаций. Об их генезисе, становлении, структуре и численности, а также об основных направлениях и особенностях осуществлявшейся ими деятельности говорится в двух других, примерно равных по объёму частях.

Отсутствие в исследовании развёрнутого обзора историографии объясняется как тем, что все интересую-

* Иванов А.А. Правые партии Российской империи. СПб: Владимир Даль, 2024. 735 с.